

На правах рукописи

ХРОМОВА Екатерина Олеговна

**ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
А.А. МАКУШИНСКОГО И В.Г. ЗЕБАЛЬДА)**

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Данилина Галина Ивановна

Официальные оппоненты:

Бреева Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Стихина Ирина Александровна, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», старший преподаватель кафедры делового иностранного языка

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Защита состоится «20» декабря 2019 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.283.01 на базе ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» и на сайте Уральского государственного педагогического университета <http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «01» ноября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Багдасарян Ольга Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема многоязычия активно разрабатывается сегодня во всем мире: выходят специализированные научные журналы («Multilingua», «International Journal of Multilingualism», «Sustainable Multilingualism», «Многоязычие в образовательном пространстве» и др.); в ведущих университетах создаются исследовательские группы («Creative Multilingualism» в Университете Оксфорда; «Globalization and Literature. Representations, Transformations, Interventions» в Университете Мюнхена; «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» в Уральском федеральном университете и др.); проводятся ежегодные междисциплинарные конференции и съезды.

С одной стороны, это говорит об острой актуальности проблемы и существовании социального запроса на подобного рода исследования; с другой – указывает на недостаточность имеющихся знаний и большой исследовательский потенциал, заключенный в проблеме. Одно из таких перспективных и мало разработанных направлений – изучение современного многоязычного художественного текста с литературоведческих позиций.

Мы имеем в виду прежде всего творчество писателей-(э)мигрантов, в произведениях которых представлено сразу несколько языков. Эти авторы – наши современники – в последнее время все чаще оказываются в центре внимания критиков, исследователей и учредителей литературных премий. Очевидно, что создание художественного текста на пересечении многих языков и национальных культур – не частный случай идиостилия некоторых писателей, а одна из ярких черт актуального литературного процесса. При этом как в России, так и за рубежом можно найти совсем немного специальных литературоведческих исследований, посвященных анализу современной полилингвальной прозы. Эксперты в области литературного многоязычия предпочитают обращаться к произведениям XX, а не XXI века; а современных писателей, как правило, рассматривают безотносительно к проблеме полилингвальности.

Мы, со своей стороны, выдвигаем гипотезу о том, что сегодня в многоязычном творчестве писателей-(э)мигрантов складывается новый, полилингвальный дискурс, который представляет актуальную научную проблему. Исходя из работ Мишеля Фуко («Порядок дискурса», «Слова и вещи») и его идеи эпистемы, *дискурс* мы понимаем как форму вербальной репрезентации картины мира на уровне определенной стратегии и практики письма. Отсюда определяется наша логика анализа литературных текстов: будут последовательно рассмотрены герой, мир, нарратив.

Исследование проводилось **на материале** романов двух современных писателей: *Алексея Анатольевича Макушинского* (Россия-Германия) – романы «Город в долине» (2012), «Пароход в Аргентину» (2014), «Остановленный мир» (2018); и *Винфрида Георга Зебальда* (Германия-Великобритания) – романы «Головокружения» (1990), «Кольца Сатурна» (1995), «Аустерлиц»

(2001). В контекст исследования также были включены репрезентативные тексты Владимира Вертлиба (Россия-Австрия), Герты Мюллер (Румыния-Германия) и некоторых других европейских авторов.

Научная новизна исследования:

1. Мы выявляем новый литературный дискурс, отличающий эпоху глобализации; даем его аналитическую характеристику; разрабатываем принципы литературоведческого анализа полилингвального романа. Тем самым мы перемещаем вопрос введения многих языков в художественный текст из лингвистического проблемного поля в литературоведческое, то есть рассматриваем многоязычие не как *стилистическую*, но как *стилевую* доминанту.

2. При этом мы обращаемся к новому и неизученному материалу. Художественная проза А. А. Макушинского высоко оценена критикой в России и в Европе, удостоена нескольких престижных литературных наград, однако еще не становилась предметом направленного научно-исследовательского интереса.

3. Новизна заключается и в выборе авторов для сравнения. Прозу В. Г. Зебальда принято рассматривать в контексте тем Холокоста и травмы, но в сопоставлении с творчеством Макушинского открываются новые исследовательские перспективы, в том числе актуализируется вектор методологического поиска компаративистики в эпоху глобализации.

Степень разработанности темы исследования. Проблемой многоязычия в эпоху глобализации – его предпосылками, возможностями и результатами – занимаются многие лингвисты, как в России (А. В. Кирилина, М. Ю. Гудова, Е. В. Рубцова, С. Г. Тер-Минасова, И. Р. Саркисян, О. М. Осиянова, С. В. Андреева, И. И. Халеева и др.), так и за рубежом (Н. Фэйрклаф, Ф. Картер, М. Даковска, Э. Томас, Н. Шеброн, А. В. Хэкетт-Джонс, П. Гарднер-Хлорос, М. Мартин-Джонес, Д. Синглетон, Л. Лим и др.).

Также в последнее время появляются литературоведческие исследования, посвященные влиянию процессов глобализации на литературный процесс и язык писателей-мигрантов (И. О. Шайтанов, А. В. Белобратов, Н. В. Барковская, Л. Бугаева, У. М. Бахтикиреева, Г. И. Данилина, К. Коль, Ф. Гёблер, С. Арндт, Д. Нагужевски, Р. Штокхаммер, С. Хайн-Хатиб, А. Стоическу). Анализ многоязычной литературной традиции (от античности до XX века) преимущественно представлен в трудах западных ученых (Л. Фостера, А. Кнауга, М. Шмитц-Эманс), в то же время одна из самых ранних литературоведческих разработок проблемы (1946 год) принадлежит отечественной научной традиции и была предпринята академиком М. П. Алексеевым.

В рамках данной диссертационной работы важнейшими являются философско-культурологические исследования, посвященные взаимодействию культур (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Х. Баба, Э. Саид), семиотической природе культуры (У. Эко, М. Фуко, Р. Барт),

современным трансформациям культурного сознания (Л. А. Закс); труды по эстетике словесного творчества (М. М. Бахтин) и гибридным началам в современном романе (В. Г. Зусман, В. В. Котелевская).

Предмет исследования – полилингвальный литературный дискурс как способ знаково-образной репрезентации реальности. **Объектом** исследования является полилингвальный роман писателей-(э)мигрантов.

Цель – исследовать проблему полилингвальности в современной литературе и на материале романов А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда разработать концепцию полилингвального дискурса.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Представить полилингвальность в современном литературном дискурсе как новую теоретическую проблему.

2. Провести компаративный анализ полилингвальных романов А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда и выявить способы репрезентации полилингвального дискурса на разных уровнях художественного текста.

3. Выявить характерные черты полилингвального литературного дискурса.

4. Предложить продуктивный теоретический подход для исследования современной полилингвальной прозы.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении научной проблематики исторической и теоретической поэтики; в возможности применения полученных результатов для дальнейшего исследования эстетических свойств, поэтики и потенциала литературного языка современных писателей-(э)мигрантов, а также жанровых трансформаций романа в XXI веке; более широко – в качестве теоретических наработок в исследовании философско-культурологических оснований актуального литературного процесса и глубоких системных изменений в художественном сознании, культурном и художественном мироотношении в эпоху глобализации. Кроме того, теоретическая значимость работы заключается в обосновании разделения многоязычной литературной традиции на «старое» и «новое» многоязычие; в выявлении жанра полилингвального романа и разработке метода его анализа; в дополнении терминологического аппарата компаративистики через введение в российскую научную практику интеллектуального инструментария западного литературоведения – термины *сверхнациональный писатель, ситуация самоизгнания*.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения полученных выводов в практике преподавания дисциплин теоретико-литературного цикла, при проведении лекционных и семинарских занятий по современному литературному процессу и сравнительному литературоведению. Главные выводы диссертации могут быть использованы также в прикладных исследованиях, включающих анализ и оценку эффектов глобализации.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Под влиянием процессов глобализации формируется новая стратегия письма и возникает новый тип литературного дискурса – *полилингвальный дискурс*, для которого характерно введение в текст фрагментов на многих языках.

2. Полилингвальный дискурс складывается в творчестве писателей-(э)мигрантов, пишущих на разных языках, с разными странами происхождения и проживания. Эта новая дискурсивная практика выразительно проявляется в романах *А. А. Макушинского* (Россия-Германия) – «Город в долине» (2012), «Пароход в Аргентину» (2014), «Остановленный мир» (2018); и *В. Г. Зебальда* (Германия-Великобритания) – «Головокружения» (1990), «Кольца Сатурна» (1995), «Аустерлиц» (2001).

3. Полилингвальный литературный дискурс отличают: особый *тип героя* со множественной национальной идентичностью; *многонациональный и кросс-культурный художественный мир*; *нарратив*, заданный взаимодействием вербального и визуального начал по принципу гибридной конструкции.

4. Полилингвальная дискурсивная практика связана с *новым типом литературного многоязычия*, который принципиально отличается от многоязычной литературной традиции, существовавшей до середины XX века, и требует новых исследовательских подходов.

5. Современный *полилингвальный роман* представляет собой форму репрезентации новой, транзитивной картины мира, указывает на глубокие изменения в современном художественном сознании и может рассматриваться как один из эффектов глобализации.

В настоящем исследовании сочетаются **общенаучные** и **литературоведческие методы**, а также **частные методики**.

К общенаучным методам можно отнести методы интерпретации, классификации, сравнения и систематизации, использующиеся во всех научных исследованиях.

Особое место занимает сочетание методов дискурс-анализа, исторической и теоретической поэтики. Основную методологическую базу составляют труды Бахтина по эстетике словесного творчества. При сравнительном исследовании романов *А. А. Макушинского* и *В. Г. Зебальда* мы опираемся на принципы компаративного анализа. В работе с интермедийными компонентами использовался семиотический подход, методы полилингвального и системного анализа.

Прием сплошной выборки был применен для сбора фактического материала (иноязычные включения, визуальные вставки).

Методика статистического анализа (количественного изучения) использовалась для повышения степени достоверности исследования.

Достоверность полученных результатов подтверждается репрезентативным объемом рассматриваемого материала; апробацией работы в

статьях и докладах (в том числе на узконаправленных конференциях, посвященных проблеме языка в глобальном мире); поддержкой исследования со стороны стипендиальных и благотворительных фондов (DAAD, Фонд Прохорова); положительной оценкой ученых, занимающихся разработкой близких тем (Л. А. Закс, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; С. Комфорт-Хайн, Франкфуртский Университет), и писателя Алексея Анатольевича Макушинского.

Основные положения диссертации отражены в пятнадцати научных статьях (см. Список опубликованных работ по теме диссертации) и **представлены в докладах** на тринадцати конференциях:

1. Международная научная конференция «Comparative Literature and Culture: Starting points of national literature and culture» (Бакинский славянский университет. Баку, 2015).

2. Международная научно-практическая конференция «Метаморфозы художественных форм и смыслов» (Академия русского балета им. А.Я. Вагановой. Санкт-Петербург, 2015).

3. Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур» (Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2015).

4. XVI Международная научно-практическая конференция «Русское культурное пространство» (Московский государственный университет. Москва, 2015).

5. IV Студенческая научно-практическая конференция «Множественность интерпретаций: язык и литература в XXI веке» (Тюменский государственный университет. Тюмень, 2015).

6. Международная научно-практическая конференция «Православные истоки русской культуры и словесности» (Тюменский государственный университет. Тюмень, 2016).

7. Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения» (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва, 2016).

8. Международная научная конференция «Современная русская и зарубежная литература: «новое» как историко-литературная проблема» (Воронежский государственный университет. Воронеж, 2016).

9. VI Международная научная конференция молодых ученых «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2017).

10. Первая Международная научная конференция «Zrozumieć wielojęzyczność / Mehrsprachigkeit verstehen / Understanding Multilingualism / Capire la multilinguallità / Понять многоязычие» (Варшавский университет. Варшава, 2018).

11. Международная научная конференция «Ссылка, Изгнанничество, Эмиграция: самосознание, ответственность и сочувствие в зеркале эго-документов и фикциональной литературы» (Тюменский государственный университет. Тюмень, 2018).

12. VII Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» (Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2018).

13. Международная научно-практическая конференция «Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития» (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2018).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, сопровождаемых выводами, заключения, списка литературы и двух приложений, в которых представлены таблицы иноязычных включений по исследуемым романам:

– Приложение 1 – «Функции литературного многоязычия в романе А. А. Макушинского “Пароход в Аргентину”»;

– Приложение 2 – «Функции литературного многоязычия в романе В. Г. Зебальда “Аустерлиц”».

Список литературы включает 235 наименований, из них 64 – на английском и немецком языках. Общий объем диссертации составляет 187 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна избранной темы, дается описание предмета и объекта исследования, сформулированы цель, задачи и положения, выносимые на защиту. Здесь же объясняется выбор материала и методов исследования, дается краткий обзор научной литературы по проблеме.

В **первой главе «Полилингвальность как теоретическая проблема»** рассматриваются теоретические предпосылки настоящего исследования и ключевые термины – «литературное многоязычие», «полилингвальность», «сверх-национальный автор», «художественное мироотношение», «культуроцентризм». Выявляются основания разделения «старого» и «нового» литературного многоязычия. Рассматривается ценностный потенциал явления полилингвальности в философско-культурологическом проблемном поле.

Как известно, самые ранние литературные памятники, содержащие иноязычные вкрапления, относятся к периоду античности. Поэтому утверждение о возникновении новой, полилингвальной дискурсивной практики, то есть, по сути, утверждение об *уникальности* современного литературно-

го многоязычия в сравнении с предыдущими его формами, требует внимательного исследования существующей традиции. Рассмотрев и сопоставив в параграфе **1.1 «Традиция литературного многоязычия»** наиболее авторитетные отечественные и зарубежные классификации и концепции литературного многоязычия (М. П. Алексеев¹, К. А. Кнаут²), мы проследили, как под влиянием социальных, политических и культурных процессов менялось восприятие многоязычия обществом (от символа хаоса до символа взаимопонимания) и осмысление его места в литературе (от запрета на использование иноязычных слов до осознания их эстетической ценности как художественного приема). При этом многоязычие прошлого представляется *бинарным*: родной язык / иностранный(-ые), *своё* / *чужое*. Это *монолингвальная парадигма*, в которой иноязычные включения в художественном тексте рассматриваются в пределах ценностной системы главного / доминантного / *своего* языка. То же самое мы наблюдаем в монолингвально ориентированном литературоведении, где смешение разных языков понимается как «языковая девиация».

Параграф **1.2 «Многоязычие в эпоху глобализации»** посвящен обобщению основных результатов изучения процессов формирования и развития поликультурного многоязычного сознания в современном мире. В последние десятилетия в этой области были сделаны значительные открытия. В частности, в лингвистике введены и осмыслены основополагающие понятия «языковой личности» и «вторичной языковой личности». Одним из основных постулатов концепции современного понимания многоязычия является идея о том, что человек, который одновременно и в комплексе изучает / осмысляет несколько языков и культур, «не «хранит» их в своем сознании отдельно друг от друга, а формирует единую коммуникативную компетенцию, в которой объединяется весь культурный и языковой опыт» (О. М. Осиянова³).

Мы полагаем, что граница между «старым» и «новым» многоязычием условно совпадает с границей XX и XXI веков. Именно в этот исторический период свершились главные завоевания эпохи глобализации, мно-

¹ Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии [Ленинградского университета]. Секция филол. наук. Л.: ЛГУ, 1946. С. 179-223.

² Knauth K. A. Literary multilingualism I: general outlines and western world // Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity / Eds. M. Seligmann-Silva, P. Mildonian, J. Djian, D. Kadir, L. Block de Behar, A. Knauth, D. Romero Lopez. Oxford, UK, 2007.

Knauth K. A. Multilinguale Literatur // Monika Schmitz-Emans (Hg.). Literatur und Vielsprachigkeit. Heidelberg: Synchron, 2004. S. 265-289.

³ Осиянова О. М. Многоязычие как определяющий подход языковой политики в современном лингвистическом образовании // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 1. С. 102.

гие процессы которой действительно уникальны: ускорение темпов жизни, доступность коммуникативных каналов, прозрачность государственных границ и множественная полиэтническая / поликультурная идентичность личности. Вероятно, только в этих условиях мог появиться новый тип писателя, способный создавать *другое* литературное многоязычие.

Одно из красноречивых доказательств утверждения о новом типе писателя – безуспешные попытки соотнести с существующими категориями таких авторов, как Герта Мюллер, Владимир Вертлиб, Йоко Тавада, Алексей Макушинский, Винфрид Зебальд и др. В нелитературных терминах их можно назвать эмигрантами, однако то, что они пишут – *не* является литературой эмиграции (нет травмы изгнанничества, изоляции от первого языка). Другие определения – писатели диаспоры, писатели-мигранты – кажутся еще более условными, как и попытки вписать их в концепцию национальных литератур. Румынская исследовательница Алекса Стоическу⁴ предлагает называть их *сверх-национальными писателями* (Supra-National Writers) – более точный, на наш взгляд, термин для характеристики сути явления.

Текстам сверх-национальных писателей свойственны определенные стратегии письма, темы и мотивы писателей-эмигрантов (например, «двойная перспектива»), но при этом они обладают и уникальными особенностями поэтики, сформированными под влиянием *добровольного* отказа от дома. «Дом» здесь следует понимать широко – не только как определенную геополитическую локацию, но и как принадлежность к одной-единственной культуре, общности, к одному языку. Сверх-национальным писателям удается разрушить бинарность, о которой говорилось в п. 1.1, выйти за пределы монолингвальной парадигмы и создать текст *на пересечении* нескольких национальных языков и культур; прийти тем самым к «диалогу культур» (М. Бахтин).

В параграфе 1.3 «Принцип полилингвальности в современном искусстве» смешение языков в литературе рассматривается как частный случай более масштабных процессов, происходящих в современном искусстве и указывающих на глубокие содержательные трансформации современного художественного сознания и мироотношения. Здесь *базовым* теоретическим основанием для нас выступает концепция Л. А. Закса⁵, основная идея которой заключается в том, что начиная со второй половины XX в. и по

⁴ Stoicescu A. Herta Müller and Hafid Bouazza. Two Supra-National Writers // Journal of Dutch Literature. 2017. № 8.1. P. 23-40.

⁵ Закс Л. А. Искусство после «Морфологии искусства»: арт-объекты и культуроцентризм // STUDIA CULTURAE. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество, 2017. Вып. 3 (33). С. 92-107.

Закс Л. А. К познанию специфики современного искусства: культуроцентристская парадигма художественного сознания // Художественная специфика и социальный потенциал современного искусства: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург, 2017. С. 43-103.

настоящее время произошла / происходит смена макропарадигмы современного художественного и культурного сознания – с *натуроцентристской* на *культуроцентристскую*. Меняется не только предмет изображения (культура вместо природы), но пересматриваются и сами основы представлений о мире и человеке. В частности, отмечается выраженный скепсис по поводу ценности основ натурацентризма, господствующего на протяжении всей истории, – это идеи *познания, истины, объективности*. Художник по-прежнему видит свою задачу в репрезентации реальности, но уже не «объективной», а особой, культурной. Эта грандиозная и насущная задача требует, в том числе, поиска *нового языка искусства*.

В выводах по первой главе формулируется основание разделения литературного многоязычия на «старое» и «новое». Так, в частности, функция многоязычия в литературе до середины / конца XX века и авторская задача в его использовании были следующими: комический эффект; изображение хаоса; передача социальной реальности; постмодернистская игра; манифестация мечты о едином мире; изображение конфликта национальных культур. Вся описываемая традиция предстала достаточно однородной, прежде всего в том, как автор относится к иностранному языку. Это всегда отношения «свое» / «чужое». Даже самый «доброжелательный» взгляд на иностранное слово, *другую культуру* – это взгляд из *своего* национального, культурного, языкового поля. Мы приходим к выводу, что «старое» литературное многоязычие создавалось в молилингвальной парадигме, в то время как новое многоязычие относится к другой, содержательно полилингвальной системе координат.

Во второй главе «Полилингвальный литературный дискурс в романах А.А. Макушинского» представлен анализ трех романов писателя как полилингвальных: «Город в долине» (2012), «Пароход в Аргентину» (2014), «Остановленный мир» (2018). Как было сказано в Общей характеристике работы, термин *дискурс* мы понимаем как форму вербальной репрезентации картины мира на уровне определенной стратегии и практики письма. В указанных романах выявляются *черты полилингвального дискурса* на стилевом, персонажном, образно-метафорическом, идейно-тематическом и смысловом уровнях. Дается определение терминов, которые мы используем в процессе исследования («стилевая доминанта», «национальная концептосфера», «транзитивность», «гибридная конструкция»). Вводятся термины «архитектурное письмо» и «дзен-поэтика».

В параграфе **2.1 «Герой»** подробно рассмотрен персонажный план. В центре полилингвальных романов А. А. Макушинского находится герой-эмигрант, историю которого мы узнаем от безымянного героя-рассказчика (эмигранта тоже). Их связывает одна встреча («Пароход в Аргентину»), давняя дружба («Город в долине») или приятельские отношения и серия совпадений («Остановленный мир»). По мере развития сюжета судьбы рассказчика и *второго героя* оказываются все теснее переплетены на фоне трагических эпизодов Большой Истории.

Во всех трех романах эмиграция представлена достаточно широко: три волны русской (вынужденной) эмиграции, эмигранты девяностых и двухтысячных; разные страны, даже континенты, разные поколения. Объединяет же их всех, прежде всего, отсутствие так называемой травмы эмиграции, которая, на наш взгляд и по мнению многих исследователей (как русских⁶, так и зарубежных⁷), преимущественно определяла тип героя-эмигранта в литературе на протяжении всего XX века.

В полилингвальном романе конфликт своего / чужого («родины» и «чужбины»), как кажется, снят полностью. Это автору удастся сделать благодаря размыванию границ «своего», с одной стороны, и подвижному, изменяющемуся образу «чужого» – с другой.

Герои имеют *многонациональные корни* (например, русско-прибалтийско-немецкое происхождение); *кросс-культурное образование и окружение* (даже в Советском Союзе периода «застоя»); *иностранные языки* занимают особое место в их жизни еще до эмиграции.

Указание на «многонациональность» часто дается через *профессиональные интересы* (американец открывает дзен-буддистский центр в Нижней Баварии; русский архитектор строит в Европе, Японии, Аргентине) и *личные привязанности* (русский влюбляется в немку, немец всю жизнь поддерживает романтическую связь с француженкой, американец женится на японке и т. д.).

Создается «многонациональный» и «межнациональный» *портрет*, когда герой постепенно накапливает внешние черты разных культур: сначала у героя «очень русские», «прямо какие-то рязанские кудри»; затем рассказчик узнает, что герой имеет «еврейско-чухонское, как выражался [он] сам, происхождение», и его кудри уже бывают названы «рязанско-чухонскими»; в конце концов, они оказываются сбритыми, уступают место «буддистской синева голого черепа». Само имя героя может менять национальную принадлежность: Александр Николаевич Воскобойников – Alex Vosco – Alejandro.

Герои много путешествуют и часто останавливаются в гостиницах; между путешествиями живут на два города, в основном – в съемных квартирах, комнатах.

⁶ *Поршинева А. С.* Пространство эмиграции в романном творчестве Э. М. Ремарка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 24 с.

Успенский П. Травма эмиграции: физическая ущербность в «Европейской ночи» В. Ходасевича // Acta slavica estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 192-210.

⁷ *Калшед Д.* Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа / пер. с англ.: В. А. Агарков. М.: Когито-Центр, 2015. 490 с.

Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты: сборник статей / сост. Е. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009. С. 561-581.

Итак, персонажи изначально, до эмиграции, *не совсем и не только* русские; после эмиграции они не пытаются найти «второй дом», который стал бы заменой первому, незаменимому, но продолжают *движение*. То же самое происходит и с языком: эмигрант в романах Алексея Макушинского имеет множественную языковую личность и потому не страдает от необходимости выбирать иностранный язык вместо языка родного. В его мире необходимость выбора – языка, национальной культуры – не стоит никогда, ни до, ни после эмиграции.

В параграфе 2.2 «**Мир**» подробно анализируется художественный мир романной прозы Алексея Макушинского. Его книги иногда рассматриваются как серия (Е. Васильева, А. Татаринов, W. Schlott), рассказывающая одну историю. Такой взгляд представляется не совсем точным, так как «история» предполагает линейность, исследуемым романам Макушинского не свойственную и концептуально им противоречащую. При этом связь текстов несомненна, но не в качестве частей общей, продолжающейся *истории*, а как фрагментов единого разворачивающегося перед читателем *мира* – многонационального и многоязычного.

Литературное многоязычие – главная черта стиля писателя, и мы рассматриваем ее как *стилевую доминанту* (по определению П. В. Палиевского, стилиевые доминанты – это «некоторые точки, в которых стиль проступает наружу и с наибольшей отчетливостью проявляется его целостность»⁸). Самым показательным в этом смысле и самым «разноязыким» из всех романов Алексея Макушинского является «Пароход в Аргентину»: здесь почти 300 фрагментов на семи иностранных языках, которые автор последовательно и равномерно вводит в основной текст, написанный по-русски. Наиболее частотными языками являются французский (39%), немецкий (31%), английский (18%); актуализированы также испанский, итальянский, латинский и латышский языки.

Встает вопрос о функциях литературного многоязычия в романе. Некоторые из выявленных нами функций хорошо известны в литературоведении и лингвистике и достаточно исследованы (например, изображение «языка эпохи», формирование хронотопа, изображение межъязыковой интерференции речи героя-эмигранта или имитация документальной достоверности текста через цитирование документов на языке оригинала). Все эти функции важны для понимания романа и в той или иной степени «прочитываются» в нем – как правило, сразу несколько в одном иноязычном фрагменте. При этом также каждое включение на иностранном языке является отсылкой к той или иной *национальной концептосфере*.

⁸ Палевский П. В. Постановка проблемы стиля // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Стиль. Произведение. Литературное развитие. М., 1965. С. 10.

Можно выявить концептосферы «немецкости», «французскости», «английскости» и др. (согласно концепции З. И. Кирнозе⁹), которые вступают в романе во взаимодействие не только с концептосферой «русскости» (благодаря основному, русскому языку), но и между собой. Так, писатель не просто совмещает фрагменты различных национальных миров, но создает новый, единый – поликультурный и межнациональный – «мир между мирами» (в Мюнхене американские *GI's* катаются «на лодочках» с баварскими *Mädels*; за столом парижской квартиры обсуждаются «особые курляндские продукты – творог (*fromage blanc*), сметана (*crème*) и печенье с перцем (*pirarkukas*)»). Это новая, смыслодержательная функция, благодаря которой мы можем говорить о современном литературном многоязычии как о новом явлении.

Кроме того что мир в романах А. А. Макушинского глобальный, многоязычный и многонациональный, он еще имеет особый способ своего «существования»: он не просто показан и описан автором, как декорации для неких событий, – это мир *движущийся*. Пространство, время, сюжетные линии, воспоминания героев; их слова, их языки – все показано в непрерывном переходе одного в другое («все со всем связано»).

Идея *транзитивности* (которую, вслед за Г. И. Данилиной¹⁰, мы понимаем как особый, движущийся взгляд на мир и литературное слово) является ключом к интерпретации полилингвального романа и проявляет себя во всех компонентах его структуры. Особенно ярко – на образно-метафорическом уровне, что показывает, в частности, анализ поэтики заглавия романа «Пароход в Аргентину» – перед нами предстает *плывущий* пароход и, более того, находящийся *на полпути*. Именно благодаря такому *переходному* состоянию актуализируется транзитивный смысл.

«Специфический модус путешествия», причем именно в смысле «нахождения между» пунктом отправления и прибытия, важен для конструкции всех романов А. А. Макушинского. Выявляются и другие релевантные закономерности в сюжете и хронотопе всех анализируемых романов писателя, а также важный признак «транзитивности» – *одновременность* (эпох, событий, языков, нарратива).

Уже при первом прочтении романов Алексея Макушинского обращают на себя внимание различные гибридные начала, представленные в тексте – *литературное многоязычие, соединение документального и художественного, визуального и вербального...* Эту особенность нарратива

⁹ Кирнозе З. И. Национальная концептосфера // Россия и Франция: диалог культур. Статьи разных лет: сборник научных трудов / сост. В. Г. Зусман, К. Ю. Кашлявик, С. М. Фомин. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. С. 242-251.

¹⁰ Данилина Г. И. Писатели-билингвы: «Письмо между культурами» и литературная традиция // Филологические чтения. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 87-91.

мы рассматриваем в контексте проблемы полилингвального литературного дискурса в параграфе 2.3 «Нарратив».

По Бахтину, *гибридная конструкция* – это некое высказывание, которое по всем формальным признакам (синтаксическим, композиционным) принадлежит одному говорящему, но в котором при этом смешаны «два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два “языка”, два смысловых и ценностных кругозора»¹¹. Другими словами, речь идет о грамматическом проявлении полифонических свойств романа, о своем и чужом слове и моменте их встречи в пределах одного синтаксического образования. И хотя романное разноречие всегда состоит из множества голосов, в разговоре о гибридных началах исследуемых нами текстов А. А. Макушинского принципиально важны только голоса (языки, идеологии) двух главных героев – писателя и архитектора; писателя и историка; писателя и буддиста.

По сюжету всех рассматриваемых романов герои видятся и беседуют с писателем-рассказчиком лишь несколько раз (в романе «Пароход в Аргентину» – только однажды, в самом начале основной сюжетной линии). Несмотря на это, голоса рассказчика и *второго героя* постоянно встречаются друг с другом, иногда звучат параллельно, иногда разделяются достаточно отчетливо на два отдельных голоса.

Мы также обнаружили, что гибридная природа романов Алексея Макушинского проявляет себя не только в пределах конкретных грамматических высказываний, но и на формально-стилевом уровне; сам этот уровень может быть охарактеризован как сложно устроенная гибридная конструкция визуального и вербального кодов. Такой подход позволяет нам выявить *архитектурное письмо* (введение в роман языка архитектуры через особый, *объемный* синтаксис) и *дзен-поэтику* (введение в текст языка фотографии посредством преобладания дескриптивной модальности над нарративной).

Системный анализ трех романов А. А. Макушинского в контексте проблематики полилингвальности позволяет вывести некоторые релевантные закономерности. *Во-первых*, персонажный план представлен «эмигрантами без травмы эмиграции». *Во-вторых*, художественный мир, объединяющий все исследуемые романы, предстает *глобальным и движущимся*; действие разворачивается одновременно в нескольких эпохах и странах, на пересечении многих языковых картин мира. *В-третьих*, в романах ярко выражено интермедialное начало. На основе выявленных черт мы делаем вывод о *содержательной полилингвальности* романов Алексея Макушинского.

¹¹ Бахтин М. М. Слово в романе // Собрание сочинений: в 7-ми томах. М.: Языки славянских культур, 2012. Том 3: Теория романа (1930-1961 гг.). С. 57.

Третья глава «Творчество А.А. Макушинского и контекст: полилингвальный литературный дискурс в романах В.Г. Зебальда» посвящена исследованию романного дискурса В. Г. Зебальда как репрезентативного автора по отношению к процессам языковой интерференции и сопоставлению полилингвальных романов А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда. Наша цель: определить общие структурные особенности, характерные для данного типа дискурса. В качестве материала для сравнения мы выбрали три романа Винфрида Зебальда – «Головокружения» (Schwindel. Gefühle, 1990, пер. с нем. Е. Соколовой), «Кольца Сатурна. Английское паломничество» (Die Ringe des Saturn. Eine englische Wallfahrt, 1995, пер. с нем. Э. Венгеровой), «Аустерлиц» (Austerlitz, 2001, пер. с нем. М. Кореневой).

В параграфе 3.1 «**Множественная идентичность героя**» рассматриваются различные способы оформления героя со множественной идентичностью. Эта яркая черта объединяет многочисленных персонажей всех романов Винфрида Зебальда (главных и второстепенных, вымышленных и исторически достоверных), *множественно выделяется и подчеркивается в тексте*. Все ключевые герои детерминированы своей причастностью к опыту эмиграции и/или бездомности (собственно, именно этот опыт и описывается в тексте). Вводя очередного персонажа, Винфрид Зебальд часто сопровождает его сведениями, характеризующими героя как эмигранта, будущего эмигранта или потомка эмигрантов, даже если эти подробности кажутся сюжетно неоправданными.

Тема множественной идентичности особенно отчетливо звучит в романе «Аустерлиц», где культурное самопонимание и самоопределение главного героя дано читателю в «обратной перспективе» и благодаря этому становится главной интригой сюжета, выступает на передний план повествования. В начале книги главный герой Жак Аустерлиц – *чешский англичанин еврейско-французского происхождения* – предстает «героem ниоткуда». Чувство «неизбывного отчаяния», которое герой испытывает всю жизнь, почти сводит его с ума и начинает медленно отступать лишь по мере того, как Аустерлиц выясняет, а потом и вспоминает свою историю и языки, на которых эту историю следует рассказывать – родной, забытый, чешский; второй, сначала тоже забытый, а потом снова выученный, – французский. Воспоминания возвращаются к Аустерлицу отдельными словами и фразами. Также в романе актуализированы английский, валлийский и нидерландский языки.

В параграфе 3.2 «**Транзитивная картина мира**» рассматривается художественный мир, обладающий ярко выраженными чертами транзитивности и объединяющий все книги Винфрида Зебальда. Это, действительно, – *Мир*, в самом широком смысле. Нарратив захватывает десятки стран, многие эпохи (порой в самых неожиданных сочетаниях, мельчайших подробностях, исторически достоверных деталях); флору, фауну

(встречаются, например, попугай-эмигранты, перепелка «в заключении», потерявшая рассудок собака, «погибший» лес) и небесные светила. При этом вся ширь пространства и времени – пространств и времен – предстает *стянутой в одну точку*. Этот образ, наиболее точно характеризующий архитеконику романов В. Г. Зебальда, не раз встречается в каждом из исследуемых текстов.

Мир Винфрида Зебальда – это многонациональный мир. В романах многократно воссоздаются пересечения национальных культур: через описание путешествий, языки, имена, предметы, которые часто отсылают не только к отдельным странам и национальным мирам, но и, снова отметим, к разным эпохам. Такие *кросс-культурные сопоставления* могут носить нейтральный характер (например, в международном аэропорту Амстердама объявления звучат на испанском, английском, нидерландском языках). Однако чаще они передают подчеркнуто трагичный взгляд: так, на стенах крепости, которую в разное время занимали русские, литовцы, немцы, сохранились «последние весточки», выцарапанные пленниками на многих языках. Принцип транзитивности проявляется также в том, как писатель работает с некоторыми бинарными оппозициями, а именно: жизнь и смерть, прошлое и настоящее, память и беспамятство, молчание и право голоса, документальность и фикциональность, движение и парализующий ужас.

3.3 «Нарратив: литературное многоязычие и интермедальность». Согласно нашей концепции, полилингвальность литературного дискурса на формально-стилевом уровне складывается из нового литературного многоязычия и интермедальности особого типа, которая в романах В. Г. Зебальда представлена визуальными вставками.

Внимательное изучение интермедального компонента в творчестве В. Г. Зебальда (в романе «Аустерлиц», например, представленного 86 самостоятельными вставными фотофрагментами) наводит на мысль о необходимости целостного анализа фотопоэтики писателя, приравнивания фотографии к тексту. Этот вектор исследования поэтики автора только начал складываться.

Применение по отношению к «визуальному ряду» романа принципов нарратологического анализа и подключение теории фотографии (Р. Барт, Дж. Бёрджер)¹² позволяет выявить новые функции «иллюстраций». Например, фотографии объединяют истории в романе; открывают более глубокую, чем показывает нарратор, связь между ними. Еще одна функция – «фотографический эллипсис»: в тексте отсутствует часть информации, при этом она присутствует на фотографии.

¹² Зозуля Н. М. Нарратологические функции фотографии в романе В. Г. Зебальда «Аустерлиц» // Вестник Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 4. С. 111-116.

Визуальные включения (писатель использует и чертежи, и фрагменты других документов) – это не «иллюстративный материал», а самостоятельный эстетический язык, средствами которого автор рассказывает *еще одну, другую* историю, в параллель вербальному тексту. Она отличается и сюжетно, и вводит дополнительные смыслы и мотивы.

Важен при этом момент перехода от «слов» к «картинке». Графически, но тем самым и семантически, визуальная вставка *разрывает* предложение, казалось бы, в совсем не располагающем к этому месте (не в моменте интонационной паузы, иногда – «посреди» слова). На семантическом уровне речь уже идет о *встраивании* фотоснимка в текст. В результате читатель не воспринимает картинки отдельно, поскольку они дополняют, поясняют, меняют ход *основного* нарратива и существуют одновременно со словами, в постоянном переходе от одной знаковой системы к другой.

Выступая «другим видом коммуникации», визуальные вставки расшатывают жанровую структуру литературного текста¹³. Рассуждая об особенностях жанра книг Винфрида Зебальда, В. Н. Ахтырская, автор ряда работ о поэтике его творчества, отмечает, что во всех его произведениях сочетаются черты жанров «биографии и автобиографии, исторического и художественного сочинений, травелога и мемуаров, документального повествования и лирического дневника»¹⁴. Ахтырская приходит к выводу, что писатель целенаправленно размывает границы жанров и его тяготение к визуальной поэтике – не что иное, как еще один способ перехода границы¹⁵.

В параграфе 3.4 «**Черты полилингвального дискурса**» мы даем аналитическую характеристику полилингвальной дискурсивной практики на основе результатов компонентного дискурс-анализа репрезентативных романов Алексея Макушинского и Винфрида Зебальда. В частности, выявляем следующие черты дискурса:

1. Межъязыковая интерференция как стилевая доминанта.

Десятки функциональных включений на многих языках вводятся в роман по-новому: не <русский> язык плюс иностранные языки, а движение от языка к языку. Изображается новый, глобальный язык, в котором

¹³ Пономарева Е. В., Семьян Т. Ф. Креолизация как форма визуальной коммуникации в современной литературе // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 35-45.

¹⁴ Ахтырская В. Н. Центральные и периферийные аспекты поэтики травелога на примере книги В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна» // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2008. Т. 4. С. 185.

¹⁵ Ахтырская В. Н. Семиотика рамки на примере прозаических зарисовок В. Г. Зебальда // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2009. Т. 6. С. 178-186.

разные языки не противопоставляются, а соединяются и как бы дополняют друг друга.

2. Транзитивный хронотоп.

Действие романа охватывает целые эпохи и континенты в их *одновременности*. Этого удастся добиться благодаря особому нарративу, когда истории героев рассказываются, пересказываются и перепересказываются автобиографическим рассказчиком, вместе с его собственными мыслями и наблюдениями. Создается, воссоздается особый «междумир» (Zwischenraum¹⁶).

3. Новый тип героя со множественной идентичностью.

Герой полилингвального романа – особый тип эмигранта, который всегда в пути и не пытается заменить утраченный дом «второй» родиной. Это герой-космополит, без травмы эмиграции, на протяжении всего романа прибавляющий себе новые языки и новые идентичности.

4. Особая интермедальность.

Проявляют себя ярко выраженные интермедальные начала, и мы рассматриваем это как полилингвальность в семиотическом смысле. На пересечении вербального и визуального кодов возникают новые нарративные формы. История рассказывается не только на многих национальных языках, но и на *общедоступных* языках визуальных и пространственных искусств.

5. Транзитивная образность.

Транзитивные смыслы актуализируются на образно-метафорическом уровне текста. В них прочитываются все релевантные для транзитивной картины мира значения: *движение*, *бездомность* (с позитивной коннотацией), *пограничность* и *переходность* (пространства, времени, языка), *одновременность*.

6. Жанровые трансформации.

Полилингвальный роман создается не только на пересечении нескольких жанров, но и в *движении* от одного к другому. Отмечается выраженная жанровая *транзитивность*, *переходность*, *текучесть* («документальная фикциональность»; «очень странный травелог» и т. д.).

7. Сверх-национальная авторская позиция.

Выявленная нами полилингвальная дискурсивная практика складывается, прежде всего, в произведениях писателей в самоизгнании, так называемых *сверх-национальных авторов*, которые эмигрируют по собственной воле для того, чтобы жить и *писать* в этом новом *междумире* (о чем они сами часто говорят в интервью, пишут в эссе и в своих романах). Мы предлагаем рассматривать «самоизгнание» как особую творческую ситуацию и стратегию письма.

¹⁶ Vertlib VI. Spiegel im fremden Wort. Dresden: Tehlem Verlag, 2007.

Итак, несмотря на разные языки, страны происхождения и проживания, А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда объединяют, во-первых, чувство сопричастности трагическому прошлому своих соотечественников, переживших период вынужденной массовой эмиграции; попытки найти отголоски этого опыта в сегодняшнем дне; во-вторых, понимание собственного положения (то есть, *ситуации самоизгнания*) как творчески продуктивной основы своей писательской деятельности. Можно сделать вывод, что у авторов есть общая творческая задача, которая, однако, реализуется по-разному, благодаря чему возникают разные векторы восприятия и интерпретации произведений.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования. Делается основной вывод о том, что в современной литературе складывается *новый* тип дискурса, центральным компонентом которого является литературное многоязычие как форма дискурса и стилевая доминанта. Этот дискурс, складывающийся в последние десятилетия в творчестве писателей со сверх-национальной авторской позицией, мы называем *полилингвальным*. В нем высказывается новая, *транзитивная* картина мира, характерная для эпохи глобализации.

Процессы взаимодействия и взаимопроникновения языков и культур в многополярном и полицентричном пространстве современной истории приводят к смене макропарадигмы творческого сознания, что и отражается в полилингвальном дискурсе. Он создается сегодня многими современными авторами из разных стран и культур. Тенденцию к использованию многоязычия в этом *новом*, транзитивном смысле (не сумма языков, но движение от языка к языку) можно наблюдать в последнее время в кино, театре, музыке. Мы полагаем, что разработанный нами подход и метод полилингвального анализа может быть продуктивен по отношению к различным современным дискурсивным практикам и родо-жанровым литературным формам.

Осмыслением происходящих в последние двадцать-тридцать лет изменений начинают заниматься гуманитарные и социальные науки в рамках «транснационального поворота». Наибольших успехов в научном освоении вопроса сейчас добились социолингвистика и лингводидактика, в области которых внимание сосредоточено на прикладных аспектах. При этом очевидно, что речь идет о явлении, которое выходит за рамки повседневных языковых контактов и практик, и смена оптики видения уже заметна в нашей науке. На основании проведенного нами исследования можно предположить, что полилингвальный литературный дискурс должен рассматриваться как один из инструментов исследования глобального, многоязычного мира.

Список опубликованных работ по теме диссертации

В журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук:

1. Хромова, Е. О. Гибридные конструкции в романе Алексея Макушинского «Пароход в Аргентину» [Текст] / Г. И. Данилина, Е. О. Хромова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 109-120 (0,4 п.л. / 0,3 п.л.).
2. Хромова, Е. О. Литературное многоязычие как актуальная научная проблема [Текст] / Е. О. Хромова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 101-113 (0,7 п.л.).
3. Хромова, Е. О. Творчество В.Г. Зебальда в русском литературоведении [Текст] / Е. О. Хромова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 5. – С. 105-108 (0,5 п.л.).

В журналах, индексируемых в РИНЦ, и сборниках конференций:

4. Хромова, Е. О. Межъязыковая интерференция в современной художественной прозе (на материале романа А. Макушинского «Пароход в Аргентину») [Текст] / Е. О. Хромова // *Comparative Literature and Culture: Starting points of national literature and culture*. Conference Book. – Vaku, 2015. – С. 34 (0,1 п.л.).
5. Хромова, Е. О. Полилингвизм как стилевая доминанта (на материале романа А. Макушинского «Пароход в Аргентину») [Текст] / Е. О. Хромова // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур : материалы Всероссийской студ. научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 22 апр. 2015 г.) / отв. ред. В. А. Бячкова ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – С. 211-215 (0,2 п.л.).
6. Хромова, Е. О. Мир между мирами: роль иноязычных включений в романе А. Макушинского «Пароход в Аргентину» (французский и немецкий языки) [Текст] / Е. О. Хромова // Православные истоки культуры и словесности : материалы 38-й Междунар. научно-практической конф. – Тюмень : Издательство ТюмГУ, 2015. – С. 97-99 (0,2 п.л.).
7. Хромова, Е. О. Национальная концептосфера в романе А. Макушинского «Пароход в Аргентину» (английские включения) [Текст] / Е. О. Хромова // Русское культурное пространство : материалы Международной научно-практической конференции. – Москва : «Перо», 2015. – Вып. 4. – Т. 1. – С. 236-240 (0,3 п.л.).
8. Хромова, Е. О. Полилингвистический компонент на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале романа А. Макушинского

«Пароход в Аргентину») [Текст] / Е. О. Хромова, Г. И. Данилина // Лучшие выпускные квалификационные работы 2016 года : сборник статей на основе лучших выпускных квалификационных работ : в 3 ч. / Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный университет. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2016. – Ч. 3 : Гуманитарное направление. – С. 26-36 (0,3 п.л. / 0,2 п.л.).

9. Хромова, Е. О. Архитектура времени в романе А. Макушинского «Пароход в Аргентину» [Текст] / Е. О. Хромова // Социум. Культура. Личность. Досуг : сборник материалов VII международной научно-практич. конф., 17 ноября 2016 года, Тюменский государственный институт культуры / науч. ред. Е. М. Акулич, Л. Г. Скульмовская. – Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. – С. 133-136 (0,4 п.л.).

10. Хромова, Е. О. Архитектура как метаязык в романе А. Макушинского «Пароход в Аргентину» [Текст] / Е. О. Хромова // Современная русская и зарубежная литература: «новое» как историко-литературная проблема : материалы Междунар. науч. конф. (Воронеж, 25-26 марта 2016 г.). – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 209-212 (0,2 п.л.).

11. Хромова, Е. О. Полилингвизм в контексте преподавания иностранных языков [Текст] / Е. О. Хромова // Православные истоки русской культуры и словесности : сборник научных статей по материалам 39-й Междунар. научно-практической конф. / под общ. ред. Н. В. Лабунец, Е. Н. Эртнер ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ТюмГУ. – Тюмень : Издательство ТюмГУ, 2016. – С. 236-240 (0,4 п.л.).

12. Хромова, Е. О. Метафора истории в романе А. Макушинского «Пароход в Аргентину» [Текст] / Е. О. Хромова // Множественность интерпретаций: язык и литература в XXI веке : материалы студенческой научно-практической конференции ТюмГУ. – Тюмень : Вектор Бук, 2016. – С. 147-152 (0,2 п.л.).

13. Хромова, Е. О. «Архитектурное письмо» в романе Алексея Макушинского «Пароход в Аргентину» [Текст] / Е. О. Хромова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей VI Междунар. науч. конф. молодых ученых (10 февраля 2017 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, А. А. Ширшикова, М. А. Чистякова ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – Ч. 2 : Современные проблемы изучения истории и теории литературы. – С. 63-68 (0,3 п.л.).

14. Хромова, Е. О. Гибридность в современной литературе (на материале романа А. Макушинского «Пароход в Аргентину») [Текст] / Е. О. Хромова // Архитектоника современного искусства. Жанрововидовые трансформации : сборник статей / сост. Е. Э. Дробышева ; науч. ред. Л. А. Меньшиков. – СПб. : Изд-во Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой, 2017. – С. 77-80 (0,2 п.л.).

15. Хромова, Е. О. Полилингвальность в современном литературном дискурсе [Текст] / Е. О. Хромова // Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития : междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, УрФУ, 16-17 ноября 2018 г.) : сб. ст. / под науч. ред. М. Ю. Гудовой, М. О. Гузиковой, Е. В. Рубцовой ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 246-252 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 18.10.2019. Формат 60x84^{1/16}.

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 100. Заказ

Издательство Тюменского государственного университета.

625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

Тел./факс: (3452) 59-74-81, 59-74-68

E-mail: izdatelstvo@utmn.ru